

Белинский в борьбе с космополитизмом

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Далеко не все современники Белинского до конца поняли глубокий смысл его статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и других работ, где великий критик со всей резкостью и последовательностью обрушился на космополитические, антинародные тенденции в западническом лагере.

Блестящая полемическая атака неистового Виссариона была вызвана острой политической необходимостью. Именно к тому времени ясно обнаружилось, что под флагом борьбы со славянофильством в кругу «западников» пропагандируются идеи и взгляды, решительно враждебные демократизму, оскорбляющие чувство национальной гордости, присущее народу.

Белинский и Герцен, стоявшие на демократических и социалистических позициях и боровшиеся за то, чтобы Россия стала передовой страной мира, отрицательно относились к таким либеральным западникам, как Корш и Боткин, преклонявшимся перед западноевропейским буржуазным порядком и его культурой. Герцен называл их «идолопоклонниками» буржуазной Европы. Белинский критиковал и космополитические взгляды Валерьяна Майкова. Эти западники недооценивали самостоятельность, богатство и своеобразие русской культуры и мысли. Эти, по выражению Белинского, «пустоголовые европейцы», «сторонники фантастического космополитизма», послушные и робкие ученики каждой последней прочитанной ими западноевропейской книги, в сущности, были представителями русского барства, раболепствовавшего перед иностранщиной. В России они стремились лишь несколько ограничить самодержавие и установить буржуазный порядок, а впоследствии открыто стали лакеями царизма. Они не чувствовали бепия пульса русской жизни. Русский народ, русское крестьянство они презирали. В творческие силы народных масс они не верили.

В одном из своих писем 1847 года Белинский говорит: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междомотиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо несправедливо иногда бывает только общенною формой любви, но, признаюсь, жалги и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспамятные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, — не верю я их интересам».

Под «восторженными патриотами» великий критик разумеет здесь славянофилов с их громкими, но лживыми и пустыми патристическими фразами и восклицаниями. Сам же Белинский был именно «ожесточенным скептиком», т. е. революционным демократом и патриотом. Ненависть Белинского к самодержавно-крепостническому порядку происходила из его пламенной любви к русскому народу, к будущей свободной России.

Вместе с тем Белинский был настоящим интернационалистом. Он глубоко и страстно переживал судьбы народа Франции — страны, которая играла тогда роль мирового центра революционного движения. Как подлинный патриот, Белинский беспощадно

но разоблачал отсталость царской крепостнической России по сравнению с Западной Европой и боролся против этой отсталости. По вместе с тем он был решительным противником некритического отношения к Западу. Он не хотел установления в России господства буржуазии по западноевропейскому образцу, а стремился к коренной революционно-демократической переделке русской жизни.

Поэтому так резко обрушивался Белинский на «спокойных скептиков», на русских космополитов, — тех, что насмешливо и с холодной иронией, без всякой горечи, болтали об отсталости России и восхищались западноевропейским буржуазным порядком и его культурой. Это были бесхарактерные, бесстрастные, терпимые ко всякой подлости господствующих и эксплуатирующих классов люди. Судьба французского пролетария была им так же безразлична, как судьба русского крестьянина. Позднее они проповедывали покорность перед Кавеньяками и Тьерами.

«На свете много людей, известных под именем «пустых», — писал Белинский, — они умны чужим умом, ни о чем не имеют своего мнения, а между тем и учатся и следят за всем на свете. Пустота их в том и состоит, что они заимствуют целиком, и их мозг не переваривает чужой мысли, а перерабатывает ее через язык, в том же самом виде, в каком принял ее. Это люди безличны, потому что чем человек личнее, тем способнее обращать чужое в свое, то-есть налагать на него отпечаток своей личности».

Выступая против безличных, пустых космополитов, далеких от русской народной жизни, Белинский-критик заявлял: «У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения».

Он учил «мыслить самостоятельно, по-русски».

Прогресс нации великий демократ рассматривал, как рост народных масс, овладевающих культурой, передовой мыслью. По словам Белинского, «... прогресс... совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их самостоятельностью собственной национальности, в собственную ее сущность, — тогда он гибнет политически».

Белинский решительно возражал против противопоставления «национального» — «человеческому». «Человеческое» он рассматривал как высшее развитие национального, народного. Именно только полное развитие национальности, только духовный, идейный рост народных масс способен, по убеждению Белинского, придать той или иной нации прогрессивное всемирно-историческое интернациональное значение. Критик писал, что «чем многостороннее, всеобъемлющее, глубже, общее содержание народной жизни, тем больше в ней истинного, разумного, действительного. — тем человеческое такой народ, тем он более бывает представителем человечества».

В развитии всех сильных сторон национального характера русского человека, свойственных ему «здорового смысла, ясности и положительности в уме», «истинности, смелости, находчивости, сметливости, перенчивости», Белинский и видел путь к тому, чтобы русский народ выразил «в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание». Белинский боролся за то, чтобы Россия стала «идеалом человечества», и он надеялся, что Россия одна из первых стран мира станет социалистической.

Говоря о роли русского поэта, Белинский спрашивал: «Если он поэт, поэт истинный, то не должен ли сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями?» А холодного писателя-космополита, лишенного крепкой связи со своим народом, оригинальности, самобытности, страсти, Белинский сопоставлял с человеком, который говорит о себе, что он «сгорает любовью к человечеству, но что, несмотря на то, он никого в жизни своей не любил в особенности, что никогда не было у него ни друга, ни приятеля, ни брата, ни сестры...» Такой писатель «всегда готов писать о чем угодно и что хотите, но обыкновенно пишет всегда под чьим-нибудь влиянием». Анализируя же произведение великих русских писателей, критик решительно отменял попытки космополитов объяснить русское литературное развитие западноевропейскими влияниями.

Борьба, которую Белинский вел с космополитизмом, получила дальнейшее развитие в русской революционно-демократической литературе. Напомним только выступление Герцена против «немецких русских», щедринскую сатирическую характеристику «желудочно-полового космополита», как типа русских бар за границей, изображение в романе Номыловского «Брат и сестра» космополитического, обезличивающего воспитания Андриуши Чебанова, напомним, как разоблачал Добролюбов «ранимый космополитизм» того «образованного общества», которое «разорвало связь с народом и потеряло способности даже понимать основные черты его характера».

Эти традиции имеют большое принципиальное значение и для развития советской литературы и искусства. Тов. А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) говорил: «Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами... Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всем, не будучи подлинным патриотом своей Родины».

Читая гениальные, неумирающие статьи Белинского, мы видим, что он не только был нашим прямым предшественником, но до сих пор остается живым участником нашей борьбы с рабелепием перед иностранщиной, с «безродными космополитами» и «беспаспортными бродягами в человечестве».